

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

«Последний ответ» почтенного Н.Н. Страхова («Русский Вестник», февраль 1889 г.) вынуждает меня заключить наш спор простым и кратким указанием его результатов.

Уважаемый критик заявляет, что опроверг все мои возражения против теории культурно-исторических типов, и что все его доказательства в защиту этой теории остаются в полной силе. А я, с своей стороны, по-прежнему твёрдо уверен, что Н.Н. Страхов никак не мог меня опровергнуть по той простой причине, что о главных моих возражениях он даже вовсе не упоминает. Разрешить такое противоречие, конечно, могут только «внимательные и непредубеждённые читатели», и мне остаётся лишь облегчить их труд, указать им на те места в статье «Россия и Европа», где находятся наиболее существенные возражения, не затронутые моим почтенным противником, а именно, на стр., 738, 742—747 и 753 («Вестник Европы», апрель 1888). В отдельном издании («Национальный вопрос в России», изд. 2-е) этим страницам соответствует следующая: 162—164, 169—177, 186 и 187.

Затем было бы совершенно излишне возвращаться к тому, что Н.Н. Страхов называет своими «доказательствами». Я весьма сожалею, что наш спор принял отчасти вид «личного препирательства», и охотно беру назад все резкости в моём предыдущем ответе. Но не вижу никаких причин существенно изменить моё мнение об аргументации почтенного критика по этому вопросу. Во всех этих мнимых доказательствах я не нахожу ничего, кроме полемических приёмов, придуманных, чтобы защитить во что бы то ни стало в глазах читателей теорию культурно-исторических типов. К этого рода аргументам принадлежит и новое замечание Н.Н. Страхова (в «Последнем ответе», стр. 201), что по учению ап. Павла «только верующие, если будут вести себя по вере своей, могут быть названы единым организмом» — как будто кто-нибудь предполагал, что для апостола языков человечество могло иметь другую форму органического единства, кроме вселенской церкви Христовой.

Не думаю, чтобы «внимательный и непредубеждённый читатель» приписал мне странную затею «вычеркнуть из русской литературы несколькими почерками пера» не только «Россию и Европу», Данилевского, но также и его «Дарвинизм», этот — насколько могу судить — «самый полный, самый обстоятельный и прекрасно изложенный свод всех существенных

возражений, сделанных против теории Дарвина в европейской науке» («Нац. Вопр.», стр. 197). Действительная моя затея состояла лишь в том, чтобы доказать историческую и логическую неосновательность теории культурных типов. Две статьи Н.Н. Страхова утвердили меня в уверенности, что эта затея удалась. В самом деле, если такой сведущий, умный и даровитый критик, предприняв защитить против меня излюбленную им теорию, не нашёл ничего лучшего как упрекать меня в непочтении к родителям и, умалчивая о наиболее существенных моих возражениях, противопоставлять другим такие странности, как, например, расчленение «анатомических групп» (в строении человечества) на «события», то не ясно ли, что моё мнение о крайней несостоятельности защищаемой таким образом теории должно быть вполне справедливо? Как бы то ни было, в виду последних заявлений Н. Н. Страхова я не могу ожидать другой более прямой и удовлетворительной защиты «культурно-исторических типов», а потому, с своей стороны, признаю этот вопрос исчерпанным.

Владимир Соловьёв.

Спб., 14-го февр., 1889 г.

1-го марта 1869.